

Культура модернизирующегося общества: между прогрессом и традицией

К. В. ЛЮБИМЦЕВ

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)*

Статья посвящена философскому анализу социокультурных аспектов модернизации. Автором рассматривается взаимосвязь общественного прогресса и культурных традиций, подчеркивается гетерогенность модернизационного развития, обусловленного как прогрессивными, так и традиционными тенденциями. Ставится вопрос о коллективном субъекте модернизации и ценностно-когнитивных особенностях его формирования внутри традиционного общества.

Ключевые слова: социальная теория, прогресс, традиция, модернизация, субъект модернизации, традиционное знание.

The Culture of Modernizing Society: Between Progress and Tradition

K. V. LIUBIMTSEV

(THE STATE ACADEMIC UNIVERSITY OF THE HUMANITIES)

The article covers the philosophical analysis of sociocultural aspects of modernization. The author considers the correlation of social progress with cultural traditions and emphasizes the heterogeneity of modernization development that is dependent on both progressive and traditional trends. A question about collective subject of modernization and axiological and cognitive features of its forming within traditional society is raised.

Keywords: social theory, progress, tradition, modernization, subject of modernization, traditional knowledge.

Исследование культуры модернизирующегося общества встречается с рядом сложных вопросов. Одним из основных здесь становится вопрос методологии познания этого комплексного объекта, с трудом поддающегося систематизации силами отдельных наук либо специальной дисциплины. Выраженный в понятии модернизирующегося общества факт переходности от одного состояния культуры к качественно новому (современному) ее состоянию как раз дал название транзитологии как самостоятельному исследовательскому направлению. Проблемы метаморфозиса исторических периодов, цивилизаций, типов экономического и политического строя давно и плодотворно изучаются в различных науках.

Все транзитологические (в широком смысле) исследования имеют общую черту: они рассматривают свой объект *post factum*,

с точки зрения наличного состояния западной цивилизации. Подобный подход оправдан в работах исторического характера, но вызывает сомнение, когда используется для анализа событий текущего времени. Противоречие заключается в следующем. Теории перехода к Современности, например теории модернизации, подразумевают, что так называемым отсталым традиционным обществам суждено повторить путь западного мира, воплотив его прогрессивные образцы. Таким образом, категориальная связка «прогресс — традиция», наряду с решением аналитических задач, выполняет роль системы оценочных координат. Теории модернизации, выдвинутые после Второй мировой войны, были основаны как раз на суждениях подобного рода. Они *a priori* полагали, что начала западного образа мышления, действия и образа жизни наделены прогрессивны-

* Любимцев Константин Владимирович — соискатель ученой степени кандидата философских наук Государственного академического университета гуманитарных наук. Тел. (495) 697-98-93. Эл. адрес: socio.philos@gmail.com

ми достоинствами, доказавшими свое реальное превосходство, и вследствие этого приобретают всемирно-историческое значение. Теоретики модернизации, пренебрегая скрытой двусмысленностью данного умозаключения, считали, что военно-политические и экономические победы западных стран в середине XX столетия обеспечат последним доминирующее положение и в будущем. Остальным регионам предлагалось осваивать традиционно периферийные ниши в сложившейся системе международного разделения труда, включаясь в догоняющую модернизацию и вестернизацию. Иными словами, прогресс был идеей, «утверждавшей в теории то, что уже начало осуществляться на практике — общую линию развития по пути, предлагаемому лидирующим Западом» (Федотова, 1997: 27). Однако последующий бурный экономический рост в ряде стран третьего мира, наряду с проявлением контрмодернизационных тенденций внутри самого Запада, заставил пересмотреть постулаты теории модернизации и обратиться к анализу классических философских и научных концепций Модерна.

В ходе этой работы было показано, что модернизация как процесс социально-экономических преобразований имеет двойственный характер. С одной стороны, она представляет собой последние три-четыре столетия развития европейских культур и является западной по своему генезису. Говоря точнее, Запад складывается как особый тип *современной* цивилизации именно в ходе своей модернизации. С другой стороны, модернизация представляется одновременно и вызовом Запада всему остальному миру, вынуждающим последний соотносить цели и способы своего существования с западными стандартами. При этом отмечается, что прогресс обусловлен сочетанием разнородных, заложенных в самой структуре социума, факторов развития и их взаимной конкуренцией. Общественное развитие представляется в образе постоянного поиска ответов, адекватных как внешним, так и внутренним вызовам. Принимая этот факт во внимание,

ученые приходят к выводу, что традиции способны находить столь же эффективные ответы подобным вызовам, укрепляющие жизнеспособность современной культуры. Так, Э. Гидденс отмечает, что в эпоху глобализации, когда обостряется и конкуренция экономик, и конкуренция больших идей, «традиции сохраняются настолько, насколько они поддаются дискурсивному оправданию и приспособлены к вступлению в открытый диалог как с чужими традициями, так и с альтернативными способами организации жизни» (Giddens, 1994: 105).

Тема взаимосвязи общественного прогресса и культурных традиций всегда вызывала интерес в социальном познании. Социальные науки, ставшие преобладающей формой саморефлексии человечества в Новое время, изначально видели своей задачей найти теоретическое решение коллизии прогресса (новаторства) и традиции (воспроизведения известных образцов). Концептуальное противопоставление этих двух понятий в то же время имело и идеологическую подоплеку. В частности, стремление обострить социальные противоречия на рубеже исторических периодов вынуждало мыслителей и общественных деятелей эпохи Просвещения прибегать к таким приемам политической мобилизации масс, как выдвижение лозунга борьбы всего прогрессивного против засилья консерватизма. В результате стало распространенным представление, что в политике, в культуре, равно как и в науке, новые ценности и знания утверждаются за счет изживания принятых в прежнее время. В ряде случаев отбрасывается элементарный принцип просветительского отношения к общественному сознанию — не просто отрицать устоявшиеся ценности и знания, но разоблачать мнения, поспешно принимаемые без надлежащей рациональной проработки.

Несмотря на это, традиция и прогресс по-прежнему выступают понятиями-маркерами двух антагонистических типов культуры и социума — традиционного и современного. По сути, устойчивое сопряжение данных категорий выражает, с одной стороны, про-

тиворечивый характер общественно-исторического развития, а с другой, демонстрирует дуализм социально-теоретического сознания. Обстоятельное исследование гетерогенности движущих сил общественного прогресса, отличающей его современный этап, позволяет сегодняшней социальной теории элиминировать дихотомию традиционного и современного общества. Вместе с тем остается актуальным вопрос о принципах традиционного и современного типов развития. Речь идет не только о различении черт экстенсивных (традиционных) и интенсивных (прогрессивных) изменений, наглядно наблюдаемых в хозяйственной и технической сферах.

Суть в том, что выбор интенсивного, т. е. прогрессивного, пути социального развития (в том виде, как он осуществляется в западном мире) ставит перед обществом проблему субъекта прогресса. С одной стороны, в истории европейской философской мысли создается образ рационального индивида, самостоятельно устанавливающего законы общественного бытия и сознательно следующего добровольно принимаемым обязательствам. С другой стороны, регулярно проявляется стремление теоретиков ускорить формирование этого социального агента, нередко вопреки его воле и здравому смыслу. Под лозунгом борьбы с невежеством, предрассудками и ложными авторитетами общество призывают отказаться от своих традиций и ценностей. И. Валлерстайн подчеркивает, что культура представлялась одним из главных препятствий для модернизации, поскольку «с точки зрения многих теоретиков... представляла собой явление «традиционное», т. е. понятие, противопоставлявшееся «современному» (Валлерстайн, 2003: 157). Преобладало мнение, что традиционные ценности мешают осваивать новые виды деятельности, ускоряющие общественное развитие, ядром которого считалась индустриализация. Архаичным верованиям предлагалось противопоставить систему научно обоснованных экономических и политических технологий, давно и эффек-

тивно работающих в западных условиях. Ставка делалась на универсальное средство — технику, подкрепленное универсальным знанием — наукой. «Техническое», отмечает там же Валлерстайн, в лексиконе модернизаторов означало и интеллектуально, и, одновременно, политически нейтральное решение. Уместно напомнить в связи с этим скептическое отношение к научно-техническому прогрессу Ж. Ж. Руссо, считавшего его движущей силой человеческие пороки и, в частности, писавшего: «У нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники — у нас нет больше граждан...» (Руссо, 1998: 45).

Безусловно, каждое общество испытывает потребность в познании объективных условий своего существования. Знание необходимо для определения и достижения собственных целей. Именно способность превращать внутреннюю и внешнюю информацию в знание задает диапазон возможных целей и средств их реализации. Однако нельзя вести речь о поиске исключительно новой информации, выработке нового знания. Да, сегодня традиции все чаще рассматриваются «...как факторы, которые могут быть условием и средством внедрения и принятия инноваций. Такие фундаментальные социокультурные инновации, как Возрождение, Реформация или Великая французская революция, выступая против одних традиций, требовали возврата к другим, еще более «традиционным традициям», таким как античность или Священное Писание» (Гофман, 2008: 341). Следовательно, важно принимать в расчет исторически сложившийся в культуре массив социально значимого знания. Это дает возможность придать социальному прогрессу человеческую размерность. В то же время модель традиционного знания, рассматривающая ценностные и когнитивные компоненты культуры в их системной взаимообусловленности, позволяет выявить имманентный характер контрмодернизационных срывов, переживаемых модернизирующимся обществом. При этом условии культурное наследие способно быть «инструмен-

том схватывания дифференцированной значимости норм и социальных отношений прошлого в новых институциональных рамках» (Sil, 2002: 5).

Идея прогресса стала главенствовать в современном общественном сознании в эпоху Просвещения, когда, по словам И. Валлерстайна, в нее верили все, даже консерваторы, которые лишь сомневались, «следует ли изменения, что претерпевали Европа и мир в целом, рассматривать как прогресс, действительно ли прогресс является для них подходящим и осмысленным понятием» (Wallerstein, 1995: 97). Ряд ученых полагают, что эта идея имеет более давнюю историю, и возводят ее генезис к античному времени, обнаруживая у «древних авторов концепцию постепенного и непрерывного развития человечества...» (Нисбет, 2007: 43). Вместе с тем высказывается мнение, что прогресс, хотя и без какого-либо универсального концептуального обоснования, успешно осуществлялся на практике в Древнем Египте, Индии, Китае, где существовали рациональное государственное управление, способы хозяйства и внедрялись разнообразные технические новшества. И поэтому «идея прогресса не является уникальной ни для «современного» периода, ни ограничивается теми цивилизациями, где «Современность», по общему мнению, зарождается» (Sil, 2002: XI).

Однако, как отметил еще М. Вебер, восточным цивилизациям не удалось распространить свой опыт на пространство земного шара и время всемирной истории. Культура древних государств имела мало общего с той идеей прогресса, которую разработал и воплотил западный мир. Тем не менее нет оснований полагать, что их культурные основания принципиально противоположны. История показывает, что идея прогресса, равно как и идеи свободы, справедливости, человеческого достоинства, воплощается в практической социальной жизни парадоксально типичным образом. Поэтому, рассматривая проблемы развития общества на уровне идей, необходимо анализировать известные и возможные пути их реализации на практи-

ке. Рассмотрим, как утверждался идеал рационального знания в сословном обществе. Например, в Древнем Китае имущественное состояние предпринимательского класса считалось менее благочестивым, чем состояние государственного служащего. Престиж административной карьеры был обусловлен не аристократическим происхождением, но личными интеллектуальными усилиями в ходе многолетней учебы и сдачи экзаменов на государственную должность. Как указывает востоковед Л. В. Васильев, «...преодоление социального барьера было залогом не только высоко социального положения, но и автоматически прилагавшегося к нему богатства. Именно в этой особенности структуры китайского общества и коренились причины столь исключительного по своему значению культа ученых-чиновников» (Васильев, 2001: 203). Поэтому потомки разбогатевшего купечества нередко отказывались продолжить семейное дело и предпочитали использовать имеющиеся средства на подготовку к императорскому экзамену. Этот пример показывает, что в сословном обществе накопление капитала свыше необходимого для простого воспроизводства встречает культурные ограничения. Во-первых, иерархическая, вертикально стратифицированная, говоря языком социологии, общественная система создает и соответствующую культурную иерархию. Владелец нового состояния в этих условиях практически не лимитирован и вправе распоряжаться своим капиталом, но лимитирован иным, статусным, образом. Поскольку в обществе главенствует аристократическая культура, задающая в том числе и стандарты потребления, в первую очередь предметов роскоши, буржуазия (еще не составляющая влиятельной группы), располагая достаточными средствами, по большей части вынуждена копировать чужие стандарты поведения.

Так в культуре формируется понимание, что способности и умения не даруются человеку свыше, не являются его уникальными личностными характеристиками, но могут быть отчуждены, формализованы в виде

знания и присвоены в ходе научения. Открытием становится то, что знание имеет объективное значение, не зависящее от социальной или культурной принадлежности познающего лица, что есть чему поучиться у иных традиций. Тем самым в обществе происходит когнитивный переворот, в ходе которого (по словам русского историка В. О. Ключевского) «чин уже совершенно отрывается от отечества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валлерстайн, И. (2003) После либерализма : пер. с англ. М. : Эдиториал УРСС.
- Гофман, А. Б. (2008) Социология традиции и современная Россия // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М. : Ин-т социологии РАН. С. 334–352.
- Нисбет, Р. (2007) Прогресс: история идеи : пер. с англ. М. : ИРИСЭН.
- Руссо, Ж. Ж. (1998) Рассуждение по вопросу: способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? // Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. М. : Канон-Пресс ; Кучково поле.
- Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФРАН.
- Giddens, A. (1994) Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / Beck U., Giddens A., Lash S. (eds.) Cambridge : Polity Press.
- Sil, R. (2002) Managing «Modernity»: Work, Community, and Authority in Late-Industrializing Japan and Russia. Ann Arbor : University of Michigan Press.
- Wallerstein, I. (1995) Historical Capitalism with Capitalist Civilization. L. : Verso.